

С. А. Фомичев

ПУШКИНСКАЯ
ПЕРСПЕКТИВА

ЗНАК
Москва
2007

СЦЕНИЧЕСКАЯ ПОЭМА А. С. ХОМЯКОВА

Закончив работу над «Горем от ума», А. С. Грибоедов сетовал:

Первое начертание этой сценической поэмы, как оно родилось во мне, было гораздо великолепнее и высшего значения. (...) В превосходном стихотворении многое должно угадывать; не вполне выраженные мысли и чувства тем более действуют на душу читателя, что в ней, в сокровенной глубине ее, скрываются те струны, которых автор едва коснулся, нередко одним намеком, — но его поняли, все уже внятно, и ясно, и сильно...¹

Слава Богу, конечно, что сам Грибоедов не остановился на «первом начертании» своего произведения, но обозначенный им в данном рассуждении жанр «сценической поэмы», очевидно, вполне правомочен.

Пьеса А. С. Хомякова «Димитрий Самозванец» традиционно рассматривается в сопоставлении с пушкинским «Борисом Годуновым». «Трагедия Хомякова, — указывает Г. А. Гукковский, — как бы продолжение пушкинской трагедии»², — и, исходя из этого постулата, считает:

Хомяков строит характер Самозванца, своего главного героя, явно под влиянием Пушкина. Но он не понял Пушкина. Его Димитрий — романтический мечтатель, байро-

¹ Грибоедов А. С. Полн. собр. соч. Т. 2. С. 281.

² Гукковский Г. А. Пушкин и проблемы реалистического стиля. М., 1957. С. 68.

нический герой, весь в порывах, в необузданных стремлениях, человек вне общества и вне истории³.

«Трагедия, — соглашается с предыдущим исследователем А. В. Архипова, — написана под сильным воздействием Пушкина и является как бы продолжением “Бориса Годунова”. В литературе уже отмечалось, что некоторые реплики — продолжение пушкинской трагедии или отклики на нее. Основные характеры трагедии — Дмитрий, Марина, Шуйский — развитие характеров, намеченных Пушкиным»⁴. «Хомяков, — утверждает и В. А. Бочкарев, — во многом учел опыт Пушкина. (...) Глубокая приверженность автора “Ермака” романтическому мировоззрению, требовавшему для своей реализации соответствующих средств эстетического выражения, не помешала ему при создании “Дмитрия Самозванца” в какой-то мере проникнуться новаторским духом пушкинского “Бориса Годунова”. (...) Влияние Пушкина на Хомякова, столь разительно проявившееся в изображении народа, сказалось и в показе главных исторических персонажей, каковыми в “Дмитрии Самозванце” являются Дмитрий и Шуйский»⁵.

Оговорки здесь, казалось бы, сделаны: «как бы», «во многом»... Но по сути данные толкования не принимают в расчет жанровую природу произведения Хомякова.

Обилие прямых текстовых переключек с трагедией Пушкина само по себе еще мало о чем говорит. Такого рода переключки могли быть в иных случаях прямым плагиатом, в чем, например, справедливо обвинял Пушкин булга-

³ Там же. С. 69.

⁴ *Архипова А. В.* Литературное дело декабристов. Л., 1987. С. 110.

⁵ *Бочкарев В. А.* Трагедия А. С. Хомякова «Дмитрий Самозванец» и ее место в развитии русской исторической драматургии // Русская стихотворная драма XVIII — начала XIX веков. Самара, 1996. С. 51–54.

ринский роман о Самозванце. Могли они носить и охранительный характер, как произошло в лобановской трагедии «Борис Годунов»⁶. У Хомякова же они — род вызова, соревнования, отталкивания от известного читателю текста с целью выявить надличный, провиденциальный смысл стремлений героев, способных возвыситься над повседневным бытом и самой исторической действительностью⁷.

Трагедия Пушкина, вероятно, не удовлетворяет Хомякова прежде всего сосредоточенностью ее автора на «корыстных», «прагматических» побуждениях героев, которые ни на миг не в силах отринуть свои исторические путы. Хомяков готов даже упрекнуть самого автора «Бориса Годунова» в подобной фамильной «корысти». Нельзя в этом отношении не отметить не случайной, конечно же, детали — в самом начале первого действия в «Димитрии Самозванце» мелькает вдруг Пушкин:

Д и м и т р и й:

Что Пушкин! Ожил ли мой бедный сокол?

⁶ См.: *Гуковский Г. А.* Указ. соч. С. 66.

⁷ Так, обращаясь к толкованию «Слова о полку Игореве», Хомяков считает принципиально важным упоминание автора о «тропе Трояней»: «сочинитель наш берет первую эпохою памятных сильных браней века Трояновы, когда мы, заодно с другими славянами, подвязались на юге, при Дунае» (*Хомяков А. С.* Сочинения. Т. 1. М., 1994. С. 514). Отметим и отклик на «Слово о полку Игореве» в самом начале пьесы «Ермак»:

—...Нет, не видать уж нам Руси святой!

— Да, не к добру залаяли лисицы,

Когда мы в темный лес вчера зашли.

— А слышал ты, какую шумной тучей

Носилися над нашей головой

Стада каких-то черных птиц?..

Ср.: «Уже бо беды его пасеть птицъ по дубію (...) лисици брешуть на чръленя щиты. О Руская земле, уже за шеломянемъ еси!» (Слово о полку Игореве. Л., 1938. С. 32).

Пушкин:
Уже здоров и скоро, государь,
Повеселит тебя своим полетом⁸.

Это единственный персонаж из названных в произведении Хомякова по фамилии, который не упомянут в списке действующих лиц, открывающем пьесу. Драматург не хочет изначально заострять на этом внимания, но тем не менее — в отличие от пушкинской трагедии — указывает на подлинную роль Пушкиных в Смутное время, вовсе не столь активную и заметную, как это представлено в «Борисе Годунове». Есть здесь, возможно, и автобиографический намек: предки А. С. Хомякова в то время также ходили в сокольничих (мол, и автор «Димитрия Самозванца» мог бы показать своего пращура в толпе дворян).

Но это, конечно, мелочь, частное задорное подкалывание. Основное же направление состязания с Пушкиным Хомяков, наверное, видел в лирической стихии своего произведения.

В хоре первоначальных откликов на драму «Димитрий Самозванец» неизменно с похвалой отмечалось ее двуединое качество — прекрасные стихи и высокий лиризм:

Продолжение в роде трагедии Пушкина, но есть в ней более лирического (П. А. Вяземский);

драматического искусства ни на грош, а сцены блестящие, а стих чудо (М. П. Погодин);

язык поэтический, невольно обольщающий всякого, равнодушного к изящному («Московский телеграф»);

отличаясь многими лирическими красотами высокого достоинства, она имеет мало драматизма (В. Г. Белинский)⁹;

Отнюдь не утверждаю я того, чтоб в этом произведении не было удачных мест, даже хороших сцен, в нем мно-

⁸ Хомяков А. С. Стихотворения и драмы. Л., 1969. С. 300. Далее даются ссылки на это издание.

⁹ Цит. по комментарию Б. Ф. Егорова в указанном выше изд. (см. с. 578–579).

го прелестных выражений и стихов: но, по моему мнению, при таком промахе в создании целого, частные красоты значат то же, что горсть золота, брошенная в море для испрошения попутного ветра, когда корабль застигнут тишью¹⁰.

Странным образом это живое, непосредственное восприятие пьесы Хомякова до сих пор не получило литературоведческого осмысления.

Драматическая канва здесь вовсе не главное; она воссоздает не столько историческую обстановку, сколько поле борьбы, на котором герои должны отстаивать свои идеалы. Собственно, вся лирика Хомякова может быть рассмотрена именно с этой точки зрения.

Своеобразие лирического голоса Хомякова ярко проявилось в его стихотворении, которое ныне печатается под заглавием «Навуходоносор».

А. И. Герцен в «Былом и думах» вспоминал, как однажды, в присутствии А. С. Хомякова П. Я. Чаадаев так отозвался о знаменитой московской достопримечательности:

...может, этот большой колокол без языка — гиероглиф, выражающий эту огромную немую страну, которую населяет племя, назвавшее себя *славянами*, как будто удивляясь, что имеет слово человеческое¹¹.

Возможно, эта шутка о *Царь-колоколе без языка* парадоксально отозвалась в стихотворении Хомякова, написанном в 1849 году в ответ на правительственную реакцию «страшного семилетия». Уподобление Николая I надменному вавилонскому правителю было распространено в передовом русском обществе тех лет¹².

¹⁰ Сенковский О. И. Собрание сочинений. Т. 8. СПб., 1859. С. 82.

¹¹ Герцен А. И. Сочинения. Т. 5. М., 1956. С. 146.

¹² «Если бы император Николай восторжествовал, — откликнулся на его смерть М. Н. Катков, вспоминая, возможно, стихотворение Хомякова, — то трудно и представить, что сделалось бы с ним; он уподобился бы Навуходоносору, — вышел бы в Летний сад и стал бы щипать траву» (Феоктистов Е. М. За кулисами

Стихотворение, которое ныне печатается под заглавием «Навуходоносор», впервые было опубликовано в книге «Русская потаенная литература» (Ч. 1. Лондон, 1861) в существенно ином оформлении, нежели во всех последующих собраниях сочинений Хомякова:

ИДИЛЛИЯ

Поющие лица: Сибрах, Мисах, Авдинаго, Даниил.

Сцена: гора подле Вавилона, внизу скотный двор, где пасется царь Навуходоносор.

Пойте, други, песнь победы!
 Пойте! снова потекут
 Наши вольные беседы,
 Закипит свободный труд!
 Вавилона царь суровый
 Был богат и был силен;
 В неразрывные оковы
 Заковал он наш Сион.
 Он губил ожесточенно
 Наши вечные права:
 Слово — Божий дар священный,
 Разум — луч от Божества.
 Милость Бога забывая,
 Говорил он: все творят
 Мой булат, моя десная,
 Царский ум мой, царский взгляд!
 Над равнинами Деира
 Он создал себе кумир,
 И у ног сего кумира
 Пировал безбожный пир.
 Но отмстил ему Иегова!
 Казнью жизнь ему сама:

политики и литературы. Л., 1929. С. 90). В небольшом отрывке сохранилось сатирическое стихотворение ссыльного декабриста В. Л. Давыдова «Николосор», имеющее в виду Николая I.

Бродит нем губитель слова,
Траву щиплет враг ума.
Как работник подъяремный,
Бессловесный, глупый вол,
Не глядя на мир надземный,
Он обходит злачный дол!..
Ты скажи нам, царь надменный,
Жив ли мстящий за Сион?..
Но покайся, но смиренно
Полюби его закон,
Дух свободы, святость слова,
Святость мысленных даров, —
И простит тебя Иегова
От невидимых оков.
Снова на престол великий
Возведет тебя царем
И земной венец владыки
Осветит своим венцом.
Пойте, пойте песнь победы!
Пойте! снова потекут
Наши вольные беседы,
Закипит свободный труд!

Так был развит — фактически в жанре псалма¹³ — фрагмент из Книги пророка Даниила о наказании Богом надменного царя Навуходоносора:

...отлучен был он от людей, ел траву, как вол, и орошалось тело его росой небесною, так что волосы у него выросли как у льва, и ноги у него — как у птицы (Дан 4, 30).

¹³ В псалмах Давида также нередко обозначалось во вступительной ремарке место (и время) действия: «Плачевная песнь, которую Давид воспел Господу по делу Хуса, из племени Вениаминова» (Пс. 7); «Псалом Давида, когда он притворился безумным пред Авимелехом и был изгнан от него и удалился» (Пс. 33); «Писание Давида, когда он убежал от Сеула в пещеру» (Пс. 56); «Псалом Давида, когда он был в пустыне Иудейской» (Пс. 62).

У Хомякова хвалу Господу вместе с Даниилом поют три отрока, которые некогда за отказ поклоняться золотому идолу были брошены в печь, раскаленную огнем, и, спасенные ангелом, вышли невредимыми из пламени (Дан 3, 13–26).

«Пленение вавилонское, — замечал Хомяков, — грозившее совершенным падением евреям, было для них тяжелым испытанием и огненной банею очищения. Едва ли не эта самая мысль высказана в чудно-поэтическом сказании о трех отроках...»¹⁴

Данное библейское предание было издавна популярно на Руси по театрализованному «Пещному действу»:

Этот обряд — инсценировка библейской легенды о царе Навуходоносоре, возмнившем себя выше всех богов. (...) В яркой театральной форме в «Пещном действе» утверждалась победа церкви над царем. Обряд этот, вошедший в церковный обиход в XVI веке, упраздняется во второй половине XVII века в связи с усилением царской власти¹⁵.

Взамен «Пещного действия» в 1673–1674 годах Симеон Полоцкий написал пьесу «О Навуходоносоре царе, о теле злате и о троих отроцех, в пещи несожженных». Тогда же Николай Спафарий создает трактат «Хрисмологион, или Даниила пророка откровение на сон Навуходоносора и о четырех монархиях», в котором наследницей Ассиро-Вавилонского, Мидо-Персидского, Македонского и Римского царств объявлялась русская самодержавная монархия¹⁶.

Для Хомякова же наиболее значимым для человечества оказывается разделение его не по племенам и государствам, а противостояние «по вере», в которой он выделял наличие двух антиномичных стихий: «завоевательной» и «зем-

¹⁴ Хомяков А. С. Полн. собр. соч. Т. 6. М., 1904. С. 196.

¹⁵ Русский драматический театр. М., 1976. С. 19–20.

¹⁶ См.: Михайловский И. Н. Важнейшие труды Николая Спафария (1672–1677). Киев, 1897. С. 1–13.

ледельческой», «кушитства» и «иранства», «плотского» и «духовного», «необходимости» и «свободы». По Хомякову:

В основе «кушитских» верований — поклонение «религиозному материализму» и «фетишам» веры: молитва воспринимается как данное свыше «заклинание», обряд как «колдовство» и т. д. В основе «иранства» — провозглашение свободы веры, бытующей «внутри» каждого человека. Соответственно этому «кушитство» особенно ярко проявляется в «материальных» искусствах — живописи и зодчестве; «иранство» же — в литературе и музыке¹⁷.

Так и в «Идиллии» Хомякова противопоставлены «кумир», созданный «над равнинами Деира» и «Слово, Божий дар священный».

«Гордое сознание своего могущества, — писал Хомяков в трактате “Семирамида”, — и презрение ко всем другим семьям, хранящим быт младенческих общин, подвигнуло кушитов на Иран. Созданный им, восстал Вавилон на берегах Евфрата, и далее, все далее на Север подвигались их торжествующие дружины, налагая тяжкие цепи на побежденных, воздвигая неприступные твердыни в покоренных землях, созидавая великолепные столицы в девственной красоте пустынь, сокрушая всё силою своего вещественного знания и условной совокупности, соблазняя всех искушением своей роскоши и вещественных наслаждений. (...) Но в бессильном Иране были дух жизни и слово, хранящее наследство мысли, и еще не искаженное предание, завещанное человеку древними его родоначальниками. Борьба вызвала дремлющие силы. Могущество, основанное на началах условных, но лишенное внутреннего плодотворного содержания, пало перед взрывом племен, сохранивших еще простоту безыскусственной жизни и чистоту неиспорченной веры. Дух восторжествовал над веществом...»¹⁸

¹⁷ Кошелев В. А. Алексей Степанович Хомяков. Жизнеописание в документах, в рассуждениях и разысканиях. М., 2000. С. 197.

¹⁸ Хомяков А. С. Полн. собр. соч. Т. 5. С. 528–529.

На этом фоне раскрывается своеобразие трактовки у Хомякова библейской легенды, оформленной фактически в жанре псалма. «Священные песни Израиля, — отмечал Хомяков, — не могут даже идти в сравнение с другими произведениями религиозного убеждения. До тех пор, пока человек не утратит истины художественной или человеческой, творения пророков и царя-псалмопевца будут находить отзыв в душе беспристрастного ценителя и будут признаваться совершеннейшим примером искренности в вере и поэзии, жизненного стремления к духовному началу»¹⁹.

Стремление Хомякова к «духовному началу», в соответствии с его натурой неистощимого спорщика, изначально подразумевало полемическое начало.

Парадоксальным образом стихотворение Хомякова соотносилось с пушкинским стихотворением «Свободы сеятель пустынный...», известным до первой заграничной публикации в многочисленных списках:

Паситесь, мирные народы:
Вас не разбудит чести клич²⁰.
К чему стадам дары свободы,
Их должно резать или стричь,
Наследство их из роды в роды
Ярмо с гремушками да бич (II, 302).

Здесь также зримая картина, саркастически переосмысляющая слова библейских пророков, постоянно сравнивающих правителей (добродетельных!) с пастырями:

Буду пасти их на хорошей пажити, и загон их будет на высоких горах Израилевых; там они будут отдыхать в хорошем загоне и будут пастись на тучной пажити... (Иез 34, 14).

¹⁹ Там же. С. 341.

²⁰ Этой строки нет в двух автографах пушкинского стихотворения, но она имеется во многих его списках (восходит к черновому наброску).

И дам вам пастырей по сердцу Моему, которые будут пасти вас с знанием и благоразумием (Иер 3, 15).

И поставлю над ними пастырей, которые будут пасти их, и они уже не будут пугаться и теряться, говорит Господь (Ис 23, 4).

Вероятно, иной иронический парафраз (правитель не пастырь, а скот) подобных «буколических» строк позволил дать Хомякову саркастическое заглавие своему стихотворению — «Идиллия».

Направление от дольной жизни ввысь является постоянным качеством лирического голоса Хомякова, подразумевающего, однако, неперемнное «но»:

...Но если раз душой холодной
Отринешь ты небесный дар
И в суете земли бесплодной
Потушишь вдохновенья жар;
И если раз, в беспечной лени,
Ничтожность жизни полюбив,
Ты свяжешь цепью наслаждений
Души бунтующий порыв, —
К тебе поэзии священной
Не снидет чистая роса,
И пред зенницей ослепленной
Не распахнутся небеса... (с. 96).

Наверное, поэтому лучшие стихотворения Хомякова прямо или подспудно развивают тему от противного — в споре: «Гордись! — льстецы тебе сказали...»; «Не сила народов тебя подняла...»; «Не говорите: “То былое...”»; «Не в пьянстве похвалбы безумной...».

По своему интеллектуальному складу Хомяков был не только трибуном, но прежде всего полемистом. Ср. известную (несколько пристрастную) характеристику «бретера диалектики» в «Былом и думах» Герцена:

Ум сильный, подвижный, богатый средствами и неразборчивый на них, богатый памятью и быстрым соображением, он горячо и неумолимо проспорил всю свою жизнь.

Боец без усталости и отдыха, он бил в колокол, нападал и преследовал, осыпал островами и цитатами, путал и заводил в лес, откуда без молитвы выйти нельзя – словом, кого за убеждение – убеждение прочь, кого за логику – логику прочь²¹.

Вот эту необходимую для его поэтического вдохновения аудиторию он по сути и воссоздавал в драматических коллизиях. Слово было для него и боговдохновенным откровением, и необходимым средством собственного духовного существования, невысказанного без напряженных исканий и противоборства.

В сценической поэме Хомякова «Димитрий Самозванец» для читателя избирается знакомая ему (из Карамзина, а более из Пушкина) историческая эпоха, сложная по своим различным «партийным» устремлениям. Но высший художественный принцип здесь тот же: каждая драматическая ситуация стягивается к лирическим излияниям героев, не обязательно (ведь это же драма!) разделяющих авторские взгляды (как опытный полемист, Хомяков не боится своих оппонентов, не оглушает их).

Собственно, ту же художественную природу имеет и первая драма Хомякова «Ермак»²², в которой выделена группа поэтических персонажей (Тимофей, Ольга, Кольцо, Молодой казак), – но особенно часто рифмами оформляются речи не только Ермака, но и его идейного антагониста, Шамана.

Конечно, Хомяков не мог не обратить внимания и на то, как появляются рифмы в пушкинском «Борисе Годунове» – особенно в одном из монологов *Димитрия* (во всех остальных случаях в этой сцене у фонтана он обозначен драматургом как *Самозванец*):

²¹ Герцен А. И. Соч. Т. 5. С. 156.

²² Пушкин, невысоко оценивавший собственно драматургические качества этой пьесы, отмечал в ней тем не менее «очаровательную прелесть поэзии» (XI, 180).

Тень Грозного меня усыновила,
Димитрием из гроба нарекла,
Передо мной народы возмутила
И в жертву мне Бориса обрекла — ⟨...⟩(VII, 64).

Эта фраза не раз откликнется в «Димитрии Самозванце» Хомякова. Но то, что у Пушкина применяется как дополнительный оттенок, в пьесе Хомякова определяет ее основной тон.

Нетрудно определить тот образец, на который прежде всего (уже в «Ермаке») ориентируется в этом отношении Хомяков, — на драматическую поэму Шиллера «Орлеанская дева» (и перевод ее В. А. Жуковского), в которой пики лирического действия стягиваются к вдохновенным (рифмованным) откровениям героини, но порой и некоторые другие герои в моменты душевного подъема становятся подлинными поэтами, как, например, Король в своем искреннем славословии певцу:

... певец высокий
Без почести отсюда не пойдет;
Для нас при нем наш мертвый жезл цветет;
Он жизни ветвь бессмертно-молодую
Вплетает в наш безжизненный венец;
Властителю совластвует певец:
Переселясь в обитель неземную,
Из легких снов себе он зиждет трон...²³

И это не просто формальный прием: для Шиллера (как и для Гете) было близко кантианское представление об антиномичной двойственности искусства, предмет которого — сухая и грубая проза жизни, художественная же форма — чарующий вымысел гения. Но именно этот-то вымысел и подлинно реален, так как в своей фантазии поэт прикасается (воспаряет) к миру чистых идей.

Хомяков же, пожалуй, в данном случае заимствует и развивает именно поэтический прием, который выступает у

²³ Жуковский В. А. Сочинения. М., 1954. С. 419.

него не столь, как у Шиллера, в «очищенном» (только возвышенном) виде. По-скоморошьи рифмы в «Димитрии Самозванце» украшают обиняки Шута. В рифмованной болтовне служанки Розы — разговорный вольный ямб, в свое время заимствованный Пушкиным у Грибоедова в сцене (исключенной из окончательной редакции) «Уборная Марины». Рифмованными вставками, как и в «Ермаке», изредка в драме прорываются песни. Рифмованными концовками подводится итог каждому действию пьесы.

И все же особое значение в сценической поэме Хомякова приобретают прежде всего рифмованные монологи, выражающие не только главные черты личности, но и некие тенденции надличного свойства. Давно замечено, например, что Марина (в отличие от трактовки этого образа у Пушкина, что отгеноено прямыми реминисценциями из него) никогда, по Хомякову, не обманывалась насчет самозванства Димитрия, однако искренне любит его. Но как? Дважды в пьесе повторяется описание венка, которым она награждает своего любимого витязя:

Смотри! Венец из лавров я сплела
 Для твоего державного чела.
(Примеряет на нем венец)
 Ты будешь в нем, как тот великий кесарь,
 Бессмертный вождь и слава прежних дней!
 Уж вижу я, твой лик горит победой,
 И торжество в огне твоих очей!.. (с. 370)
 Гляди, вот мой венок зеленый,
 Венок героя моего;
 В нем гордый лавр и дуб сплетенный,
 И мирт любви. Возьми его (с. 374).

Это любовь-тщеславие (у Пушкина, мы помним, о любви и речи нет). По-своему героиня Хомякова тоже «ужасть как полька». Но ей мало видеть своего любимого (и, конечно, себя вместе с ним) на московском троне:

О если бы гордыню мусульман
 Ты сокрушил и с башен Цареграда
 Низвергнул в прах безбожную луну,

Какая бы тебя ждала награда,
Какая честь (...)
И славный подвиг бы сиял
В бытописаньях смутных мира,
И о тебе гремела б сладко лира,
И музы глас тебя бы воспевал (с. 368).

Столь же искренни в своих рифмованных монологах вступающие с героем в сложные, порой прямо антагонистические отношения и дьяк Осипов, и патер Квицкий, и Марфа, и Шуйский, и слепой отшельник Антоний. Порой и политиканство может принимать внешне поэтическую форму, как это представлено в одном из монологов патера Квицкого:

Чудесными лучами окружила
Десница вышнего главу земных царей,
И ярче звезд ночных блестит на ней
Дух мудрости и строгий суд и сила;
Но выше всех лучей венца
И краше всех сияет благодать:
Она святит его златую тягость,
Она царям есть лучший дар Творца.
Она светла, как чистый ангел рая,
Свежа, как вешняя роса,
Как фимиам святой, благоухая,
На землю грешную низводит небеса (с. 326).

Исполненная, казалось бы, искреннего воодушевления речь²⁴, однако, не более, чем коварная лесть Димитрию, средство влияния на московскую политику, подчинения ее католическим целям.

Это отчетливо проявляется соответствующей сценической ситуацией (д. 2, явл. 1), но и без столь же мощного лирического противовеса драматург лукавую проповедь оставить не может: в четвертом действии ее видимое благочиние

²⁴ Возможно, здесь также содержится полемический отклик на одну из сцен пушкинского «Бориса Годунова» («Краков. Дом Вишневецкого»), где Самозванцу приподнесены заказные стихи.

будет поэтически опровергнуто в пророческом слове отшельника Антония:

...Блажен, кто, полный умиления,
Поднявши очи к небесам,
Благоуханного хваленья
Ночной сжигает фимиам.
Настанет день, и с новой силой
Он, как орел ширококрылый,
Помчится в путь, и Божий щит
Его незримо защитит.
Но если именем святыни,
Как ризой, прикрываешь ты
Лукавства, злобы иль гордыни
Своекорыстные мечты,
Тебя Господен суд постигнет,
Народны бури он подвигнет
И дом, и род преступный твой
Снесет кровавою волной (с. 413–414).

Полемичность по отношению к Пушкину видели в хомяковской модификации образа Самозванца: у Пушкина он честолюбивый авантюрист, у Хомякова вполне положительный герой. Но Хомяков ориентируется, по-видимому, на западноевропейскую традицию, от Лопе де Веги до Шиллера²⁵. Для русской же критики такая трактовка одиозной фигуры представлялась шокирующей новостью. «Самозванец, — удивлялся О. И. Сенковский, — не похож на других печатных самозванцев: поэт предпринял формальную апологию Гришки Отрепьева и желал показать его человеком необыкновенным, одушевленным высокими помышлениями, но поставленным в ложное положение, преданным в

²⁵ См.: *Алексеев М. П.* Борис Годунов и Дмитрий Самозванец в западноевропейской драме // *Алексеев М. П.* Пушкин и мировая литература. Л., 1987. С. 362–401. Хомяков, как известно, при работе над своей драмой пользовался книгой Н. Г. Устрялова «Сказания современников о Димитрии Самозванце» (Ч. 1–3. СПб., 1831–1832), где содержались свидетельства иностранцев.

руки глупых и коварных советников, слабым, и в то же время твердым и сильным — коротко, человеком высшего разряда, но неопытным и нерасчетливым. Быть может, г. Хомяков уже достоин похвалы за то, что не думал чужою головою, но смело излил в хороших стихах»²⁶.

Как это часто случается у Сенковского, у которого нередко и апологетика, и разносы двусмысленны, в этом общем взгляде, формально негодующем (см. ниже: «Самозванец не в состоянии быть занимательным — потому что он самозванец. Мы не в силах и не должны принимать живого участия в плуте, как бы знаменит он ни был»), пронизательно схвачено нечто главное в критикуемой пьесе.

Первое действие ее открывается разговором об охоте. Следует напомнить, что к охоте Хомяков, при всех своих крайне разнообразных занятиях, относился очень серьезно, видя в ней род воспитания мужества и отваги. (Выше уже говорилось и о родовых преданиях Хомяковых на этот счет.) Очевидец в первой сцене пьесы рассказывает, что состязание гончих собак пана Бучинского и князя Шуйского сменяется смертельно опасной потехой: битвой удальца Валуя с медведем. Спасая слугу, царь с рогатиной и мечом выходит на косматого и одерживает победу.

За бытовым происшествием сразу же обнаруживается высшее значение. Сначала — в реплике Второго стрельца:

Теперь, теперь мы в битвах запируем,
Перешагнем предел страны родной,
И с нами царь; и копы засверкают,
И задымится меч в крови чужой.
Порукой нам бесстрашная забава,
Что далеко помчится русских слава (с. 286).

Реакция стрельца на рассказ о царской охоте рассчитана на «струны» в душе читателя, которые автор нарочито тронул, как о том свидетельствуют и дальнейшие рассуждения Димитрия, вспоминающего свою молодость:

²⁶ Сенковский О. И. Т. 8. С. 79.

Там я ходил с медведями на бой.
Я их разил для чести, для забавы,
Для утоленья чудного огня,
От юных лет томившего меня
Надеждами могущества и славы (с. 288).

И далее:

Цари парчей и бархатов! Для вас
Был радостен ваш терем позлащенный;
Но для меня – трубы призывный глас,
И верный конь, и стан военный,
И в вражеской земле кровавой битвы час... (с. 289)

Эта лирическая тема становится основной в первом действии пьесы:

...О дайте срок,
И я тебя, мой добрый меч, омою
В крови чужой, в крови соседей злых,
И пламенную грудь я освежу борьбою
За нашу Русь, за край отцов моих (с. 296).

И наконец:

При радостных рукоплесканьях мира
Пойду к боям за Божий крест святой
И силу адского кумира
Попру могущею пятой.
Пойду к боям! Народы вслед за мною
Стремятся, как разлив бушующих морей;
И Русь моя других держав главою,
И русский царь главой других царей! (с. 297)

Рифмованные фрагменты, лежащие на основной грунт белого пятистопного (как правило) ямба, становятся в драме Хомякова сигналами ее высшего значения. Именно это парение духа определяет Димитрия как трагического героя, внутренне готового осуществить (воплотить) историческую миссию России, как ее понимает автор:

Д и м и т р и й
Богатством и избытком сил

Ее Господь благославил,
Безбрежна даль ее степей широких,
И гладь озер, приволье кораблям,
И льются воды рек глубоких,
Моря, текущие к морям...
И все недаром! Есть тебе, Россия,
Святой завет, и будут пред тобой
Склоняться в прах страны чужие,
Благоговеть весь мир земной! (с. 455)

С другой стороны, нерифмованные перебои оборачиваются прозаическими трудами и препонами, которыми поневоле должен заниматься Димитрий и которые в конечном счете его губят. Для наглядности представим самый, может быть, лирический фрагмент пьесы разными шрифтами — курсивом (здесь запечатлена поэтическая душа героя) и корпусом (это проза жизни):

Д и м и т р и й

*Пролады нет: так ветер слабо веет,
Так воздух тих, и майской ночи мгла,
Как летний день, удушливо тепла.
На западе едва-едва яснеет
Рог месяца.*

Б а с м а н о в

Но в этот год его
Задернем мы завесою кровавой.
Не правда ли?

Д и м и т р и й

Ты дельно говоришь,
И верю я, что сею чистой славой
Венчаемся мы скоро. Но смотри,
*Как дремлет все, и лентой голубую
Бежит река спокойно, без зыбей,
И тонкий пар не тронется над ней,
И шума нет. Лишь слышно, что порою
Над грохотом широкий всходит гул,
Как сонного чудовища дыхание
Или волны палочное роптанье,
Когда с зарей усталый ветр заснул* (с. 453).

Собственно, так должна быть прочитана вся пьеса, с выделением лирических доминант сценической поэмы Хомякова.

Не поставленная на сцене, она задумывалась как слово звучащее, предполагавшее актерскую инструментовку ее высшего значения²⁷. Тем не менее оно улавливалось и читателями-современниками, согласно отмечавшими прелесть «поэтического языка» данного произведения.

²⁷ Показательно в этом отношении особое внимание отца драматурга к чтению актерами стихов при представлении драмы “Ермак” (см.: Хомяковский сборник. Т. 1. Томск, 1998. С. 193–223).